

КРИСТИНА БРУК

ЧАРОВНИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Christina Brooke

A DUCHESS TO REMEMBER

Перевод с английского *А.Е. Мосейченко*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press,
LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Брук, Кристина.

Б89 Чаровница : [роман] / Кристина Брук ; [пер.
с англ. А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-086947-3

Красавица Сесили Уэструдер готова вступить в унылый брак по расчету со смешным, чудаковатым герцогом Норлэндом — да вот беда: в свое время она в письме брату безжалостно вышучивала жениха. И теперь, когда брат погиб при таинственных обстоятельствах, письмо необходимо срочно найти, иначе — конец всем надеждам на блестящее будущее.

Разумеется, благородный герцог Ашборн, как истинный джентльмен, готов прийти на помощь Сесили и даже рискнуть жизнью. Одно маленькое «но» — он сам безумно влюблен в девушку и готов на все, только бы она не досталась другому...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Christina Brooke, 2012
© Перевод. А.Е. Мосейченко, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086947-3

Глава 1

*Англия, 1816 год
Хартфордшир*

Леди Сесили Уэструдер никогда не лезла за словом в карман. Более того, по мнению ее родных, у нее был на редкость хорошо подвешен язык, весьма длинный и острый, и этим преимуществом она пользовалась при всяком удобном случае.

Но от столь откровенной наглости даже она потеряла дар речи.

Лавиния надула губки, а в ее синих глазах сверкнули молнии.

— Моя дрожайшая кузина! В таком случае посоветуй, мне бы очень хотелось услышать твое мнение: что мне делать?

Лавиния, графиня Давенпорт, прелестная, соблазнительная блондинка, обожала кокетничать и заигрывать с мужчинами более интересными, чем ее муж. Это были очень опасные заигрывания.

Сесили обменялась удрученным взглядом с мопсом, песиком Лавинии, который с грустным видом лежал на софе, пуская слюни прямо на атласную подушку. Весь будуар Лавинии — от мебели до последней лепной завитушки на стене — блестел позолотой и всевозмож-

ными оттенками розового. Ужасный кричащий вкус, режущий глаз.

— Я догадываюсь, в чем тут дело, — вздохнула Сесили. — Здесь все так ярко и пестро, что от этого у тебя, милая Лавиния, видимо, слегка помутилось в голове. Дорогая кухня, я посоветовала бы тут все переменить, переделать интерьер в менее возбуждающий, более спокойный синий цвет, это должно отрезвить тебя.

— Ну хватит, Сесили, — резко бросила Лавиния. — В конце концов, я прошу о такой малости, в сущности, о пустяке.

— О пустяке? — Сесили опешила. — Ты хочешь, чтобы я осталась у тебя после того, как разъедутся все гости, чтобы прикрыть твои амурные делишки, пока твой муж, мой кузен, в отъезде.

— Как можно быть такой вульгарной в своих мыслях, — притворно вздохнула Лавиния. — Столь откровенная прямота когда-нибудь доведет тебя до беды. Лорд Перси — друг, не более того. Он остроумен, забавен, его общество развлечет меня. А так как Бертрам в Лондоне, то не умирать же мне в одиночестве от скуки в этой глуши?

«Когда ни до кого нет дела, кроме себя, то конечно, — мелькнуло в голове Сесили. — А сколько здесь, в этом забытом богом уголке графства, дел — просто непочатый край. Да хотя бы проведать своих арендодателей, посмотреть, нельзя ли каким-нибудь образом улучшить их положение. Проявить хоть какой-то интерес к жизни в провинции».

— Не надо смотреть на меня такими глазами, — огрызнулась Лавиния. — Ты поймешь меня, как только выйдешь замуж за своего престарелого герцога.

— Он не так стар, как ты считаешь, — моментально выпалила Сесили. Норланд скорее казался старым, чем был на самом деле. С другой стороны, и Сесили, будучи весьма юной особой, для своего возраста выглядела не по летам зрелой.

Но она тут же прикусила язык. Доля правды в словах кузины точно была. Сесили не питала никаких романтических чувств к своему будущему супругу. Несмотря на это, она не собиралась крутить романы за спиной мужа — у нее было достаточно других увлечений, представлявших куда больший интерес.

В планах Сесили на будущее и мужу, и мужчинам вообще не придавалось особого значения — она не нуждалась в чей-либо помощи или поддержке. Брак для нее был средством, позволявшим добиться столь желанной материальной независимости. Если бы она откладывала вступление в брак, то ей пришлось бы долго ждать своей доли наследства — до тридцати лет, что было просто невыносимо. Кроме того, замужняя женщина обладала гораздо большей свободой, чем незамужняя.

Конечно, леди Уэструдер прекрасно понимала, как и с какой целью устраиваются браки по расчету. Помимо этого, она отлично знала, что Норланд и после женитьбы не собирается рвать отношения со своей любовницей. Да и беспорядочный светский образ жизни, столь широко распространенный и тайком поощряемый в лондонском свете, несколько не привлекал Сесили, а притворяться и лицемерить она не любила. Если бы она пошла по стопам Лавинии, то заслуживала бы такого же презрения.

И вот теперь Лавиния хотела, чтобы Сесили помогла ей дурачить и водить за нос Бертрама. Нет, она ни

за что не согласится, какие бы угрозы и проклятия ни посылала Лавиния на ее голову.

Более того, Сесили давно не испытывала к Лавинии никакой привязанности. Каждый раз приезжая в Гэрравей-холл, она вспоминала, что поместье унаследовал ее кузен Бертрам от брата Сесили, смерть которого она никак не могла забыть. Обычно Сесили уговаривала ехать с собой ее кузину Розамунду, но та недавно вышла замуж и была занята устройством семейного гнездышка.

«Впрочем, — с облегчением вздохнула Сесили, — меня можно поздравить — скучнейший вечер кончился, и страдания вместе с ним».

Кульминацией этого утомительного праздника стал бал, а на следующее утро все гости должны разъехаться по домам, за исключением разве что лорда Перси. Теперь Сесили могла со спокойной совестью вернуться в лондонский особняк герцога Монфора, ее опекуна. Там-то она отдохнет душой, забудет о дурном вкусе Бертрама и Лавинии среди пусть более дальних, но гораздо более близких ей по духу родственников.

— Боюсь, при всем желании, дорогая Лавиния, я не смогу дольше задерживаться у тебя. Монфор получил кучу приглашений в мой адрес. Сезон вот-вот начнется. Что же касается твоего плана, то на роль твоей компаньонки больше подходит какая-нибудь светская матрона, чем юная леди, только-только начинающая выезжать в свет.

— Думаю, ты права, — сухо ответила Лавиния, играя пузырьком с духами на своем туалетном столике. — В таком случае не могла бы ты одолжить мне Тибби?

— Нет. — Разве могла Сесили отдать свою верную компаньонку мисс Тибби, словно какую-то вещь вроде

носового платка?! — А почему бы тебе не попробовать в этой роли миссис Арбакл, твою приживалку. Она не только будет смотреть на все сквозь пальцы, но и огородит от злых сплетен.

— Посмотрим, — протянула Лавиния, встав перед зеркалом и любуясь. — Почему бы и нет? Что мне еще остается, раз ты не хочешь оказать мне услугу. — Лавиния закусила губу. — Боюсь, как бы миссис Арбакл сама неволью не стала распускать слухи. Есть у нее слабость: не умеет она как следует держать язык за зубами.

Она провела рукой по кружевам, окаймлявшим юбку сзади, а другую положила на грудь, которую открывало очень глубокое декольте. По ее губам скользнула мечтательная улыбка, словно она вспомнила что-то очень приятное.

Очнувшись, она опять взглянула на Сесили. Вдруг ее взгляд утратил слащавую мечтательность, став цепким и завистливым. Лавиния пристально смотрела на двойную нитку жемчуга, украшавшую шею Сесили. Жемчуг был отборный, очень крупный, розового цвета; украшение перешло к Сесили по наследству, как и ряд других драгоценностей, от матери.

Сесили вспомнила, какое сильное дурное предчувствие охватило ее, когда она надевала жемчуг перед сегодняшним балом.

— А-а, — протянула Лавиния, — я вспомнила, что хотела тебе сказать. Я случайно нашла дневник Джонатана — в сундуке на чердаке. Боже, он, наверное, пролежал там все девять лет с лишком после его смерти.

Нарочито небрежная манера Лавинии больно кольнула Сесили в сердце. Смерть брата, сколько бы лет ни прошло с его кончины, оставалась для нее неизбывным горем.

Джонатан...

В воздухе повисла долгая томительная пауза.

— Дневник? — с усилием наконец выдавила Сесили.

Несмотря на то что она старалась выглядеть такой же равнодушной и легкомысленной, как Лавиния, легкая, но заметная хрипота в голосе выдавала ее волнение.

Джонатан, брат, самый любимый и самый дорогой человек на свете...

Когда несколько лет назад Сесили поинтересовалась судьбой личных бумаг брата, Лавиния ответила, что все сожгла. Как это было в духе Лавинии — лгать всегда и всем. После смерти Джонатана мир Сесили рухнул. Ушел последний из близких ей людей. Все, что она считала своим в течение одиннадцати лет, вдруг стало принадлежать Бертраму и Лавинии.

Став новоиспеченной графиней, Лавиния наложила свою жадную лапу на все, что раньше принадлежало Сесили, и даже драгоценности, перешедшие к Сесили от матери, она считала своими.

— Вот я и подумала, — как бы на что-то намекая, сказала Лавиния, не сводя синих глаз с ожерелья, — наверное, для тебя он представляет какой-то интерес. Тебе ведь хочется его посмотреть, не так ли?

Сесили сразу все поняла. Невольно она прикоснулась ладонью к круглым, таким теплым и родным жемчужинам, закрывая их от завистливых глаз Лавинии.

На мгновение Сесили возмутилась от мысли, что ее украшение будет носить кузина. Каким бы дорогим и изящным ни был жемчуг, для нее важнее было другое — его носила мать, этот жемчуг впитал теплоту материнской кожи и сердца. Каждый раз надевая его, Сесили казалось, что мама с ней рядом, она как будто чувствовала материнскую доброту и заботу.

Что за сентиментальность?! Романтические мечтания, и только. Как можно предаваться подобной чепухе, когда она может заполучить прямо сейчас дневник Джонатана?

— Как это любезно с твоей стороны, кузина, — как можно спокойнее сказала Сесили. — Покажи мне его, пожалуйста, если он у тебя под рукой.

Было ясно, в чем заключался интерес Лавинии, — наступал момент торга.

Лавиния надула губки и прищурилась:

— С какой стати мне идти тебе навстречу, если ты не хочешь оказать мне даже пустяковую услугу.

Рисковать своей собственной репутацией ради репутации Лавинии — с точки зрения Сесили, вовсе не было пустяшной любезностью. Впрочем, не стоило обращаться к гадалке, чтобы узнать, чем закончатся их беседа. Сесили судорожно принялась искать что-нибудь такое, что могло бы заменить жемчужное ожерелье. Кроме того, не стоило забывать о капризности и взбалмошности Лавинии. Когда что-то было не по ней, она в приступе истерики могла натворить все, что угодно. Например, не моргнув глазом сжечь дневник Джонатана.

Во рту Сесили пересохло так, что она с трудом выдала из себя:

— Если... если я одолжу тебе ожерелье на один вечер?

Лавиния задумалась.

— Заманчиво, м-м, очень заманчиво. Но почему только на один вечер? По-моему, одного вечера явно маловато.

Сесили облизнула губы. Неужели Лавиния хочет заполучить жемчуг надолго, если не навсегда? Но она

никак не могла отдать ожерелье. Ее горничная, имевшая доступ к шкатулке с драгоценностями, скоро бы заметила его отсутствие. Как только слух о пропаже дошел бы до ушей герцога, поднялась бы ужасная шумиха.

— Ладно, — неохотно проговорила Сесили, — ты можешь пользоваться им до твоего возвращения в Лондон.

А ей придется придумать на всякий случай правдоподобную историю, объясняющую отсутствие ожерелья.

Лавиния никогда не умела ни скрывать, ни сдерживать свои эмоции. Жадность и холодный расчет отразились на ее лице так же отчетливо, как ее отражение в зеркале.

Сесили с трепетом ожидала дальнейшего торга, но тут Лавиния тряхнула в знак согласия головой.

— Хорошо. Можешь отдать его мне прямо сейчас? Ты не против, если я надену его сегодня вечером?

Сесили, обладавшую чувством прекрасного, перевернуло от отвращения: неужели ее чудесный розовый жемчуг будет соседствовать с кричащим зеленым платьем Лавинии? Тем не менее она немедленно расстегнула замочек сзади на шее из страха, как бы Лавиния не потребовала еще что-нибудь. С какой неохотой, с какой внутренней болью она отдавала материнское ожерелье, и кому — жене ее кузена, совершенно чужой женщине! Но ради Джонатана, ради того, чтобы раскрыть тайну его смерти, Сесили была готова заплатить и не такую цену.

Жемчуг, как казалось Сесили, издавал немой крик, не желая переходить в чужие руки. Зайдя за спину Лавинии, Сесили замерла на мгновение, собираясь с духом.

Встав на цыпочки — Лавиния была выше ростом, — она приподняла растрепанные локоны кузины, надела ожерелье на молочного цвета шею и защелкнула замочек. Жемчуг чуть соскользнул вниз, занимая привычное положение. Лавиния вся расцвела от удовольствия, как будто Сесили надела на нее не ожерелье, а королевскую корону. Не в силах смотреть на прихорашивавшуюся перед зеркалом кузину, Сесили с мрачным видом произнесла:

— Дневник. Прямо сейчас, пожалуйста.

— Ах да, конечно, — прошептала Лавиния и потрясла указательным пальцем. — Отвернись.

Сесили закатила глаза. Потайное место, о боже, оно оставалось потайным только для Лавинии. Сесили прекрасно знала, где оно находится, случайно открыв его, будучи девочкой-подростком. Но за прошедшие годы вряд ли что-нибудь изменилось, у Лавинии напрочь отсутствовало воображение, вряд ли она придумала что-нибудь новенькое.

Тем не менее Сесили послушно отвернулась, прислушиваясь к тому шуму, который издавала суетившаяся Лавиния.

Ожидание затягивалось, терпение Сесили было почти на исходе, когда Лавиния наконец-то принесла дневник. Едва ли не бросив его на стол перед Сесили, она опять принялась любоваться на себя и на ожерелье в зеркале.

Дрожащими руками Сесили прижала дневник брата к груди. Она гладила кончиками пальцев кожаный переплет, а сердце щемило от грусти. Внезапно у нее возникла мысль: если Лавиния нашла дневник, то вполне вероятно, что и какие-нибудь другие бумаги брата, забытые, никому не нужные, лежат в пыли и забвении

где-нибудь на чердаке или в другом дальнем углу. Раньше она думала, что Бертрам и Лавиния, присвоив себе все ценное, все остальное и ненужное просто сожгли, выбросили или продали. Но теперь Сесили вдруг стало ясно, что все далеко не так просто, как ей представлялось. У нее перехватило дыхание, как только она вспомнила о своем последнем письме к Джонатану.

— А ты, случайно, не знаешь, что случилось с бумагами моего брата? — осторожно спросила Сесили. — Мне бы хотелось вернуть мои письма к нему.

Если бы Лавиния знала, как кухне хотелось заполнить обратно одно свое письмо, то, конечно, сохранила бы его. Стараясь выглядеть как можно беззаботнее, Сесили сказала:

— Может, ты нашла еще какие-нибудь бумаги вместе с дневником?

Лавиния нахмурилась:

— Нет, больше ничего. Не пойму, зачем тебе сдались твои собственные письма?

Пропустив ее вопрос мимо ушей, Сесили непринужденно повела разговор в чуть другом направлении:

— А его научные работы, заметки тебе не попадались?

Разумеется, ни Бертраму, ни Лавинии эти бумаги были совсем ни к чему.

Лавиния небрежно пожала плечами:

— Кто-то приходил за этими бумагами сразу после его смерти. Я сказала, что можно забирать их все, мне они нисколько не нужны. Но это было так давно, много лет назад.

В том, что Лавиния продала эти бумаги, у Сесили не было ни тени сомнения. Чтобы ее драгоценная кухня рассталась с чем-нибудь, не извлеки для себя выго-

ду, — такого просто не могло быть. А что, если ее письмо оказалось среди тех бумаг? От этой мысли у Сесили дрогнуло сердце. Если содержимое ее письма выплывет на свет, скандал неизбежен.

— А кто приходил за бумагами? — не унималась Сесили. — Видимо, какой-то знакомый или друг брата?

— Если тебе непременно так хочется знать, это был герцог Ашборн. — Тон Лавинии был небрежен, но он не мог обмануть Сесили. — Очень привлекательный мужчина. Темноволосый. А какие у него глаза!

Удивленная ответом, Сесили растерянно повторила:

— Герцог Ашборн? Что его могло заинтересовать в бумагах Джонатана?

— Да откуда же мне это знать? — Лавиния жеманно закатила глаза. — Но когда обращается герцог с просьбой, отказать невозможно. Тем более такому герцогу.

Сесили охотно поверила кузине. Фигура Ашборна, и прежде всего его подавляющая властность, тут же возникла в памяти Сесили. Не будучи с ним знакома, она хорошо знала, каким весом он обладает в свете. Очень влиятельная фигура, делец, участвующий во всевозможных предприятиях. А его репутация очень умного и всезнающего человека могла поспорить с репутацией самого герцога Монфора. Более того, судя по слухам, Ашборн на политическом поприще не раз переходил дорогу Монфору, путая ему карты.

— Видимо, эти бумаги имели явный интерес для герцога. Полагаю, его светлость отдал тебе солидную сумму за бумаги брата.

Лавиния поспешно отвернулась, но Сесили успела заметить торжествующий блеск в ее глазах. Ей стало ясно: во-первых, Лавиния выручила круглую сумму за бумаги Джонатана, а во-вторых, скорее всего, скрыла

от супруга эту сделку. Полученные деньги Лавиния, вне всякого сомнения, потратила на платья или пустила на ветер, проиграв в карты.

— Когда это случилось? — спросила Сесили. — Неужели Джонатан был знаком с его светлостью, я ничего не слышала об этом.

— Полагаю, что да, был знаком, — закивала головой Лавиния. — А случилось это сразу после того, как Джонатан ушел из жизни. На самом деле именно герцог Ашборн был первым, кто принес печальное известие о смерти Джонатана.

Больше Сесили не о чем было разговаривать с Лавинией. Извинившись, она быстро направилась в свою спальную комнату, то и дело путаясь ногами в юбках. Верхняя, из муслина, была украшена красивым узором из веточек и листьев. Вбежав в спальню, она упала на кровать, так крепко прижимая дневник брата к груди, как будто его душа покоилась внутри кожаной обложки.

Прежде чем начинать читать, надо было успокоиться. В конце концов, это был всего лишь дневник, и воскресить к жизни любимого брата он никак не мог.

Сесили не плакала, когда ей сказали о кончине брата. Тогда Си было всего десять лет, и Джонатан являлся для нее всем. Случившееся несчастье раздавило ее, боль и горе были настолько велики, что она не могла плакать. Похоронив в глубине сердца ноющую сверлящую боль, смешанную с тоской по брату, все последующие годы она старалась избегать думать о нем, чтобы не вернуться к прошлому.

До сегодняшнего дня.

Джонатану было двадцать четыре года, а ей — десять. По возрасту он вполне мог быть ее отцом и фактически

был им. Джонатан нисколько не походил на ее опекуна, герцога Монфора, который казался таким далеким, чужим и недоступным. Не был он и рассеянным ученым-чудаком, каким был отец Сесили. Когда ей было шесть лет, ее родители погибли — лошади понесли, и карета разбилась, — поэтому Джонатан стал ей самым близким и самым любимым человеком на свете. А потом умер и он: погиб при пожаре в своей лаборатории. Невозможно было поверить в то, что навсегда исчезли этот блестящий, острый ум, неистощимый добродушный юмор, любящее доброе сердце. Кузен Бертрам вместе с женой Лавинией тут же поселились в доме Джонатана и Сесили под предлогом, что девочка нуждается в опеке и присмотре.

Но Сесили не нуждалась в их опеке, их мнимая забота о ней была ей совсем ни к чему. Ей был нужен Джонатан. Через несколько дней к ним нагрянул герцог Монфор и забрал никому не нужную сироту к себе.

Величественный роскошный Харкорт, особняк герцога Монфора, едва можно было назвать уютным гнездышком, так же как бойких, дерзких, уверенных в себе кузин семейства Уэструдер — брошенными, несчастными птенчиками. Впрочем, Сесили также нельзя было назвать послушной девочкой. На протяжении всего пути до Лондона она несколько раз пыталась бежать, дерзила, изо всех сил стараясь испортить Монфору настроение. Но тщетно, все ее дерзкие выходки не попадали в цель, герцог хранил невозмутимое спокойствие. Должно быть, ее непослушание забавляло его, не более того. Теперь Сесили только радовалась, замечая, как ее веселые, смешные и совсем незлобные выходки вызывают на лице Монфора улыбку. Но тог-